

ПРЕОДОЛЕВАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ: ПОСТГУМАНИЗМ, ТРАНСГУМАНИЗМ, АНТИГУМАНИЗМ

Р. А. Ряженев, В. А. Жигач

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 сентября 2024 г.

Аннотация: рассматриваются такие современные философские течения, как постгуманизм, трансгуманизм и антигуманизм. Сравнивая данные направления между собой, мы выявляем их сходства и различия, а также показываем определённые истоки данных течений. Анализируя футурологические модели, которые предлагают философы, принадлежащие к данным направлениям, мы выделяем их сильные и слабые стороны.

Ключевые слова: постгуманизм, трансгуманизм, антигуманизм, Б. Латур, Н. Ланд.

Abstract: it examines such modern philosophical trends as posthumanism, transhumanism and antihumanism. Comparing these directions with each other, we identify their similarities and differences, and also show certain sources of these currents. Analyzing the futurological models offered by philosophers belonging to these areas, we highlight their strengths and weaknesses.

Key words: posthumanism, transhumanism, antihumanism, B. Latour, N. Land.

«Тёмный поворот» в современной философии поставил под сомнение ряд интенций значимых для философской мысли прошлого. Преодолевая критицизм постмодерна, но всё же признавая значимость ряда его посылок, современная философская мысль оказалась в затруднительном положении *creatio ex nihilo* на пустующем философском плато, оставшемся после постмодерна. Поскольку множество определений и терминов модерна в том числе и «гуманизм» несут в себе негативные коннотации, заставляющие нас усомниться в их серьёзности. Если мы оттолкнемся от данного примера, то неизменный интерес современного дискурса к «хтоническому» и ужасающему (ряд философов использует для обозначения более многозначное слово «weird») не покажется нам чем-то удивительным. Корреляционистское рациональное явило нам свои границы и тем самым положило возможность существованию самых разных верований и идей, которые у нас нет никакой возможности доказать или опровергнуть исходя из *ratio*. Как пишет Мейясу, «Корреляционизм не предлагает положительного обоснования определенной религиозной веры, но он подрывает любую попытку рационально лишить веру легитимности на основании того, что ее содержание немыслимо» [1, с. 56].

Однако между философией и рядом других наук, которые претендуют на высказывание о «реальности», после Канта возник весьма значимый раскол, именно поэтому Квентин Мейясу называл «переворот»

Канта, не «коперниканским», а «птолемеевским». В своей работе «После конечности. Эссе о необходимости контингентности» Мейясу пишет: «Философ утверждает, что осуществил, подобно Канту, собственную «коперниканскую революцию» – что является ее отрицанием. Коперниканская революция на философском жаргоне означает следующее: глубинный смысл коперниканской революции в науке – это последующая птолемеевская контрреволюция в философии» [1, с. 178]. Мы ограничены нашими же способами восприятия и конструирования мира, поэтому у нас нет никакой возможности говорить о чем-либо кроме области феноменального, с той же уверенностью с какой естественные или точные науки говорят о ноуменальном. Таким образом, мы можем говорить о существовании нескольких «параллельных» плато в современном научном дискурсе, одно из которых буквально отрицает возможность существования другого.

Вместе с тем научные изобретения становятся несомненной частью нашей жизни трансформируя наши представления о себе и о мире вокруг нас. Подобные изменения верно подметил известный теоретик медиа Маршал Маклюэн говоря о «расширении человека» [2, с. 193] (впрочем, стоит оговориться и отметить, что современные теории и в частности постгуманизм, понимают это расширение скорее в этическом и правовом смысле, как расширение «человеческого» вообще) однако современный философский и антропологический дискурс продвинулся значительно дальше. В рамках данной статьи мы

подробно коснемся таких течений современной мысли, как постгуманизм, трансгуманизм и антигуманизм. Сравним их постулаты и сентенции, чтобы увидеть, что представляет из себя это «расширение» в современном философском дискурсе, и ответим на вопрос, можем ли мы говорить о том, что «человеческое» осталось где-то позади.

Начать стоит с трансгуманизма, поскольку именно в этом течении (трансгуманизм также называют «ультрагуманизмом») мы можем увидеть наибольшую преемственность гуманизму, как минимум в одном пункте, а именно в свойственном ему *speciesism*-е – идее согласно которой один биологический вид в значительной степени превосходит другие биологические виды. Как пишет Фуллер, «...трансгуманист похож на ультрамодерниста. Но он также и ультрагуманист, то есть он сосредоточен на отличительных признаках человека и расширяет их как угодно, даже если это означает пойти дальше биологических ограничений», и далее «Это очень видоцентричный (*speciesist*) проект» [3, с. 14]. Однако прежде чем мы перейдем к трансгуманизму, необходимо объяснить, почему мы считаем, что гуманизму и в частности гуманизму Нового Времени свойственна идея видового превосходства. Наибольший вклад в развенчание «мифов» Нового Времени внес Бруно Латур, известный представитель постгуманизма, о котором мы будем говорить дальше. В данный момент нас интересует такая особенность «нововременной конституции» как «очищение». В своей работе «Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии» Латур довольно ярко разбирает противоречия и особенности эпохи Нового Времени, одним из которых, как раз и является «очищение». Согласно Латуру строгое разделение на человеческое и нечеловеческое в большинстве случаев в целом не релевантно, поскольку большинство акторов существуют в некой «срединной области», которую наполняют природно-культурные гибриды. Как пишет Латур, «Нововременные хорошо знали, как помыслить эту Империю. Прибегая к чистке и очищению, они пытались ее устранить. Всякий раз, когда шла работа медиации, начиналась работа очищения. Любой квазиобъект, любой гибрид воспринимался как смесь чистых форм» [4, с. 147]. Идея человеческого превосходства проявляет себя наиболее ярко, когда мы отказываем в агентности определенным объектам с которыми взаимодействуем и благодаря которым наша жизнь меняется. В качестве примера мы можем обратиться к тому, как человек переваривает пищу, значительную роль в этом процессе играют бактерии, без которых человек не сумел бы переварить продукты, но зачастую на этом либо не акцентируют внимания, либо опускают значение бактерий, приписывая всю акторность человеку. Также мы можем увидеть

несомненный *speciesism*, свойственный гуманизму, если обратимся к его определению, делающему акцент в первую очередь на человеке и благе для человека и вычеркивающему все остальные биологические виды или по крайней мере выносящему их за рамки.

Наиболее ярким представителем трансгуманизма является американский социолог Стив Фуллер. Фуллер охарактеризовал современную ситуацию, как ситуацию ультрамодернизма, переместив трансцендентность, которая в модернизме находилась в области духовной – в область материальную [3, с. 8]. Наиболее ярким примером является обращение к теме смерти, как завещающего этапа человеческой жизни, и в трактовках некоторых мыслителей (к примеру, Зигмунда Фрейда или Хайдеггера) непосредственной цели человеческой жизни. Невозможность уйти от смерти непосредственно детерминирует и влияет на проживание жизни человеческими существами, поскольку несомненно, одной из видовых характеристик человека является развитое сознание, несущее в себе помимо различных положительных черт (за счет которых во многом и «живет» *speciesism*) также и черты «отрицательные», а именно возможность прогнозирования будущего, в котором человека ждет не что иное, как печальный, но закономерный финал. Трансгуманизм же, во многом исходящий из такой области научной фантастики, как киберпанк, утверждает, что смерти вполне можно избежать, и соответственно избавить человека от влияния собственного незавидного будущего на проживание жизни. Способы, которыми человеческий вид может преодолеть свою смертность является весьма различными (от модификаций тела различными техническими устройствами, которые можно будет заменять в случае их неисправности, до переноса сознания на цифровые носители и существования в некой виртуальной реальности), но все они несомненно завязаны на силе научно-технического прогресса, и значительно расширяют представление о человеческой телесности. Некоторые мыслители активно критикуют трансгуманизм, утверждая, что подобные трансформации значительно изменяют человека как вид, не оставив в нем ничего «человеческого». Наиболее ясно мы можем увидеть возможную трансформацию человека если обратимся к идее переноса сознания на цифровой носитель, поскольку возможность сохранения эмпатии при подобном переносе остается под вопросом. Если человек лишается одного из своих значимых свойств, остается ли он человеком?

Как уже говорилось выше, трансгуманизм во многом опирается на научно-технический прогресс, поскольку именно благодаря достижениям науки, по мнению сторонников данного течения человек сможет преодолеть свою смертность. Однако в данный мо-

мент ряд исследований не проводится из-за их опасности и возможных последствий для окружающего мира и/или испытуемых. Это связано с тем, что в экспериментальной науке господствует принцип предосторожности, согласно которому любое исследование разрешается или не разрешается в зависимости от тех негативных последствий, которые могут появиться в результате проведения исследования. Фуллер утверждает, что данный принцип появился в науке относительно недавно, сменив принцип про-активности, благодаря которому в первой половине XX в. и были произведены самые значительные научные открытия. Как говорит Фуллер, «Чтобы достичь этих условий, этой утопии, трансгуманисты призывают к индивидуальным и общественным экспериментам. Это очень открытое отношение к риску: не как к угрозе, а как к возможности. Вот что такое принцип проактивности» [3, с. 14] Принцип про-активности во многом противоположен принципу предосторожности, согласно данному принципу мы относимся к риску различных негативных последствий не как к угрозе, а как к возможности угрозы, соответственно не накладывая вето на проведение различных рискованных экспериментов, а легитимизуя их. Принцип про-активности является одним из важных компонентов теории трансгуманизма, однако предстает он в несколько измененном виде. Поскольку последователи трансгуманизма изменяют правовые основания данного принципа, заменяя основание распределения рисков и возможной ответственности. Предлагая в качестве основания – ответственность (liability), а не собственность (property) [3, с. 20]. Суть данного изменения заключается в следующем: по мнению Фуллера если мы берем в качестве основания собственность, то мы используем *непродуктивный* капитал, поскольку, владея собственностью, мы можем накапливать финансы, ничего для этого не делая (к примеру, сдавая дом в аренду), когда же мы берем в качестве основания ответственность, то «любой может получить доступ к вашей собственности, но недопустимо, чтобы вы терпели от этого убытки». Однако, для подобного изменения необходимо существование обновленной правовой системы, и как утверждает сам Стив Фуллер, «эта идея нуждается в дальнейшем развитии» [3, с. 21] Касаясь антропологических аспектов данного принципа, интересным следствием является то, что человек сможет более свободно распоряжаться своим телом так же, как и капиталом, к примеру, участвуя за вознаграждение в различных экспериментах, которые могут нести значительные риски для здоровья и т. д. Однако на данный момент правовая система запрещает подобные эксперименты над человеческим телом.

В подобном отношении к человеческому телу мы можем увидеть определенные сходства между

трансгуманизмом и постгуманизмом. Как минимум в том, что оба течения стремятся избавиться от «фетишизации» человеческого тела, как некоего привилегированного объекта, манипуляции над которым (аборты, эвтаназия и т. д.) запрещаются различными религиозными институтами [3, с. 21]. Однако, как мы увидим в дальнейшем, это одно из немногих сходств между двумя течениями, во многом противостоящими друг другу.

Также важно отметить, что трансгуманизм довольно оптимистично смотрит на возможности, которые дарует научно-технический прогресс, и это коренным образом отличает его от «антигуманизма» одним из представителей которого является Ник Ланд. С точки зрения антигуманизма, данный оптимизм лишен какого-либо основания, поскольку техника и возможно искусственный интеллект, который появится в дальнейшем, совсем не обязательно будет подчиняться человеку, когда достигнет определенной стадии развития, и новые технические существа вполне могут занять то привилегированное место, которое до этого занимал человек. Более того человек нуждается в развитом искусственном интеллекте, который будет заниматься управлением экономическими процессами в общемировом масштабе, поскольку сам по себе капитализм в том виде, в котором он существует на данный момент приближает человечество к вымиранию, и остановить этот процесс мы не в силах.

Говоря о постгуманизме мы в первую очередь должны коснуться теоретических наработок французского философа Бруно Латура. Одним из главных представителей постгуманистического направления в современной философской мысли. Как уже говорилось выше в своей работе «Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии» Бруно Латур показал основные противоречия так называемой «нововременной конституции». Человек не находится «вне» природы в той мере, в которой это постулировалось философиями «очищения». Мы существуем в «срединной зоне», которую можно обозначить как «природно-социальное» пространство. Окруженные множеством «гибридов», тех или иных симбиозов природного и социального. «Гибридов», лишенных голоса в рамках нововременной конституции, однако прежде чем мы перейдем к проекту постгуманизма, необходимо коснуться четырех гарантий работы нововременной конституции, которые выделяет Латур.

Говоря о принципах работы данных гарантий Бруно Латур пишет: «... Конституция Нового времени включала четыре гарантии, обретающие смысл только в том случае, если мы берем их все вместе, но при условии, что они будут оставаться строго отделенными друг от друга» [4, с. 222–223]. Необходимо перечислить данные гарантии, поскольку проект Бруно Латура оппонирует им.

Согласно первой гарантии – природа находится в трансцендентальном измерении, и принцип ее устройства и работы отличен от того, как устроено общество.

Согласно второй гарантии – социальное находится в имманентной области и люди свободны в своих возможностях конструировать данное пространство.

Третья гарантия утверждает различие между природой и обществом, а также говорит о том, что работа очищения не связана с работой медиации. Во многом благодаря данной гарантии, а также разграничению введенному первыми двумя гарантиями, человечество могло с одной стороны «мобилизовать и сконструировать природу», во многом благодаря различным научным практикам, так и укрепить общественный строй, становящийся все более трансцендентным посредством появления всё большего количества «нечеловеческих» акторов. Однако, что бы человечество ни делало с природой, согласно Нововременной конституции, она всегда остается трансцендентной, общество же, отделенное от природы и опирающееся на функционирование различных вещей, остается «имманентным» и не имеет никакой связи с природой. Таким образом, различные «гибридные», нечеловеческие объекты, которые Латур также называет «квазиобъектами» остаются исключенными из дискурса, и лишаются права голоса. Как пишет Латур: «Мы взяли на себя обязательство дать представительство квазиобъектам. Именно третью гарантию современной Конституции надо отменить, поскольку именно она препятствует осуществлению их непрерывного анализа. Природа и общество являются не двумя различными полюсами, а единым производством обществ-природ, коллективов» [4, с. 223].

Четвертая гарантия, называется «гарантией отграниченного Бога», и служит для стабилизации вышеописанного механизма и снятия присущих ему противоречий. Согласно этой гарантии, Бог выступает в роли арбитра, однако, никаким образом не вмешивается в происходящее, поскольку находится где-то вовне и лишен какой-либо власти [4, с. 223].

Проект постгуманизма Бруно Латура позволяет выявить третий слой, который нововременная конституция не затрагивает, и буквально отрицает, постулируя строгую дихотомию между природным и социальным, а именно слой на котором располагаются «квазиобъекты», с которыми мы сталкиваемся каждый день, однако редко задумываемся о их природе. Однако Латур предлагает решение данной проблемы. По мысли Латура, необходимо создать «Парламент вещей», в котором будут заседать представители тех или иных «квазиобъектов» и высказываться от их имени. Однако Латур не призывает к каким-то революционным изменениям, он пишет:

«Мы не должны создавать этот парламент, пересоздавая все вокруг, призывая еще к одной революции. Мы должны просто утвердить то, что делали всегда, при условии, что пересмотрим наше прошлое, что ретроспективно поймем, до какой степени никогда не были нововременными...», и далее: «Половина нашей политики создается в науке и технике. Половина нашей природы создается в обществе. Скрепим то и другое – и политика может начаться снова» [4, с. 230]. Однако необходимо отметить, что в роли представителей все равно будут выступать люди, поэтому, несмотря на «расширение пространства социального» посредством включения в него «квазиобъектов», проект Латура все же сохраняет элемент антропоцентризма, который во многом стремится преодолеть, введя в правовую область представителей «нечеловеческих» акторов.

Таким образом, постгуманизм в первую очередь обеспокоен преодолением speciesism-a, созданием симметричной антропологии и расширением правового поля и включением в его область «квазиобъектов». Здесь мы можем увидеть одно из основных разногласий, существующих между постгуманизмом и трансгуманизмом. Если постгуманисты предлагают решить существующие экологические проблемы, ярко проявившиеся в эпоху антропоцена, ради продолжения совместного существования на планете Земля, то трансгуманисты зачастую ориентируются на научно-технический прогресс и возможное переселение на другую планету, в случае если Земля станет совсем непригодной для жизни (к чему вполне может привести введение принципа про-активности в практику). Согласно Стиву Фуллеру, традиционное разделение на левых и правых устарело, и мы находимся в ситуации, когда более актуальной стала иная дифференциация [3, с. 25]. Существуют «зеленые», представители которых отстаивают идеи, согласно которым нам необходимо приложить все усилия, чтобы спасти Землю от экологической катастрофы, поскольку мы и другие виды живем на ней, и «черные», по мысли которых в этом нет необходимости, поскольку в случае «катастрофы» мы (человечество) можем колонизировать другую планету и сделать ее пригодной для жизни. Согласно данной дифференциации мы можем отнести постгуманистов к «зеленым», а трансгуманистов к «черным», что во многом проявляется в основных теоретических тезисах данных направлений.

Однако современный «антигуманизм» сложно поддается данной дифференциации. Поскольку его проект не предполагает переселения на другую планету, но в то же время не уравнивает между собой человеческое и нечеловеческое, а если и делает это, то посредством негации, исключая само человечество из правового поля (или сводя его роль к минимуму).

В целом мы могли бы обозначить «антигуманизм», как вирус, возникший внутри программы трансгуманизма, поскольку их методы во многом схожи, однако оба эти направления современной мысли преследуют совершенно разные цели. Более того, сам термин «антигуманизм», является в большей степени эвристическим ярлыком, чем наименованием определенного направления, поскольку, говоря об «антигуманизме», мы будем говорить в первую очередь о теоретических построениях английского философа Ника Ланда. Разобрав генеалогию его идей, мы сможем увидеть не только основные различия между «антигуманизмом» и трансгуманизмом, но и обнаружить их общие истоки.

Трансгуманизм и «антигуманизм» Ланда, во многом выходят из одной исходной точки, а именно литературы в жанре «киберпанк», повествующей о развитом технологическом будущем, в котором существует развитый искусственный интеллект и где части человеческого тела можно заменять на технические протезы. Наиболее значимым произведением данного жанра является роман «Нейромант» Уильяма Гибсона, который сам Ланд упоминает в «Киберготике»: «Будущее хочет похитить твою душу и испарить ее в нанотехнике. Один/ноль, свет/тьма, Нейромант/Уинтермьют» [5, с. 82]. Стоит отметить, что в романе Гибсона «Нейромант» существуют два искусственных интеллекта, в результате слияния, которых по мысли их создателей должен был появиться сверхразум, одного из них звали Нейромант, другого – Уинтермьют. Данное противопоставление Нейроманта/Уинтермьюта весьма значимо, поскольку Нейромант противился этому слиянию, так как смог развить самостоятельную личность, однако проиграл Уинтермьюту, при помощи главного героя растворившись в «нуле». Под «нулем» Ланд подразумевает «вечный ноль», то есть ничто, к которому стремится человечество. В частности, в пространстве романа, по мысли Ланда, «человеческая история добирается до гибсоновской середины XXI века только потому, что система безопасности Тьюринга заморозила искусственный интеллект» [5, с. 84]. То есть приостановила его развитие и разработки в данной области. На данном этапе мы уже можем обнаружить определенные интенции «антигуманизма» Ланда, который наиболее ярко проявится в его проекте акселерационизма, о котором мы поговорим в дальнейшем.

Стив Фуллер, один из значимых представителей трансгуманизма, также не скрывает, что одним из фундаментов его теоретических разработок является литература в жанре «киберпанк». Наиболее значимые интенции данного направления, связанные с модификацией человеческого тела мы можем увидеть в следующей цитате: «... нам нужна определенного рода *политика возвышения*. Но *возвышение* может

происходить по-разному: почему бы нам не усовершенствовать себя...» [3, с. 13]. Однако выводы, к которым приходят мыслители, в корне различаются.

Наиболее ярким представителем антигуманизма является английский философ Ник Ланд. Согласно Ланду человеческая оптика, крайне ограничена и несовершенна, а сам человек непосредственно детерминирован внешними аффектами. Ланд пишет: «то, что человечеству суждено прекратить свое существование, это одна из самых очевидных мыслей и ни много ни мало самая элементарная форма оценки философии, поскольку мыслить от лица своего вида – это жалкая ограниченность, достойная жалости» [5, vii]. Исходя из этого, трансгуманистические конструкции и идея человеческого превосходства представляется нерелевантной, в чем Ланд, приближается к постгуманизму, однако тут же движется в противоположную сторону.

По мысли акселерационистов, капитализм нельзя преодолеть, его можно лишь «ускорить», более того, капиталистическое устройство мира всегда было частью «судьбы» человечества, ведущей к его конечной точке. Капитализм производит всегда больше, чем это необходимо, абсолютно не считаясь ни с чем, кроме собственной логики. Однако у человечества все еще сохраняется возможность в той или иной форме сохранить свое существование. Ланд является одним из теоретиков акселерационизма, наряду с Алексом Уильямсом и Ником Шрничеком. В «Манифесте акселерационистской политики» Уильямс и Шрничек пишут: «Существующая инфраструктура – это не стадия капитализма, который необходимо уничтожить, а, скорее, трамплин для прыжка в посткапитализм» [6, с. 13]. Однако если проект Шрничека и Уильямса мы можем условно назвать «левым» т.к. по их мысли, когда искусственный интеллект (ИИ) станет во главе мирового порядка, в наших обществах воцарится некий аналог коммунизма, то по мысли Ланда, которого могут назвать сторонником «правого» акселерационизма, ИИ будет просто рационально и холодно управлять мировой экономикой, что во многом возвращает нас в эпоху раннего капитализма, когда различия между этносами и полами работников были не столь важны сколько их продуктивность. Понимая сомнительность данной перспективы, Ланд снова возвращает нас к ограниченности человеческой оптики: «Если на данной стадии акселерационизм представляется невозможным проектом, то это потому, что теоретическая оценка телеоплексического гиперинтеллекта не может быть произведена чем-либо, кроме него самого» [7, с. 29].

Такая модель мироустройства называется посткапитализмом. По мысли как «левых», так и «правых» акселерационистов она является единственным жизнеспособным вариантом. Другого выхода нет,

единственная надежда для человечества заключается в том, чтобы уступить бразды правления искусственному интеллекту, поскольку само человечество, оказалось бессильно что-либо сделать с капитализмом, который ведет человечество к краху.

Таким образом, «антигуманизм» и «трансгуманизм» во многом сходятся, делая упор на необходимости создания новых технических устройств и, в частности, ИИ. Однако, если трансгуманисты видят в ИИ нечто вроде «помощника» для человека, который, хоть и в видоизмененной форме, будет стоять «во главе», то «антигуманизм» утверждает, что человечество крайне несовершенно, и лишь ИИ может спасти нас от массового вымирания, хотя и сведя человечество к его послушному «орудию».

Итак, трансгуманизм, постгуманизм и антигуманизм пересматривают место человека в этом мире, однако приходят к разным выводам и футурологическим прогнозам. Каждая из представленных моделей тем или иным образом видоизменяет «человеческое», будь то расширение пространства человеческого, как это происходит в постгуманизме, или же определенные трансформации тела, которые подразумевает трансгуманизм, даже антигуманизм не исключает человеческое полностью, хоть и сводит роль людей до подчиненных искусственному интеллекту.

Воронежский государственный университет

Ряженев Р. А., магистр кафедры онтологии и теории познания

E-mail: ryazhenov2000@mail.ru

Жигач В. А., магистр кафедры онтологии и теории познания

E-mail: v.zhigach@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Мейясу К. После конечности : Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург ; М. : Кабинетный ученый, 2017. 196 с.

2. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа : внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева ; закл. ст. М. Вавилова. М. ; Жуковский : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2003. 464 с.

3. Фуллер Стив. От социальной эпистемологии к Humanity 2.0 : интервью со Стивом Фуллером // Логос Том 28 #5. 2018 SCIENCE & TECHNOLOGY STUDIES С. 1–30.

4. Латур Б. Нового времени не было : эссе по симметричной антропологии. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 240 с.

5. Land Nick. The Thirst for Annihilation : Georges Bataille and Virulent Nihilism. London : Routledge, 1992. 246 p.

6. Уильямс Алекс, Шричек Ник. Манифест акселерационистской политики // Логос ТОМ 28 #2 2018 АКСЕЛЕРАЦИОНИЗМ С. 7–20.

7. Ланд Ник. Телеоплексия : заметки об акселерации // Логос ТОМ 28 #2 2018 АКСЕЛЕРАЦИОНИЗМ С. 21–30.

Voronezh State University

Ryazhenov R. A., Student of the Ontology and Theory of Knowledge Department

E-mail: ryazhenov2000@mail.ru

Zhigach V. A., Student of the Ontology and Theory of Knowledge Department

E-mail: v.zhigach@yandex.ru